

Се Гуаньцзюй отложил палочки, уставился в свою тарелку и внезапно произнес:

— Папа, а ты знаешь, почему я больше никогда не смогу рисовать?

Отец Хэ замер. Гнев всё еще kloкотал внутри, но он немного унялся, и мужчина обернулся к сыну. Для Хэ Гуанъюня это был первый раз за десять с лишним лет, когда он назвал его отцом. С того самого случая в детстве, когда после драки с Хэ Жофэном Гуанъюнь пришел домой с разбитым лицом, а отец встал на сторону Жофэна, он перестал так к нему обращаться.

Се Гуаньцзюй не поднимал головы, и никто не видел его лица, но в его голосе слышалось такое тихое, пробирающее до дрожи отчаяние:

— В той аварии я сидел с той стороны, которую смяло сильнее всего. Но когда настал момент выбирать, кому жить, а кому умереть, меня, того, кто пострадал сильнее, просто бросили.

Хэ Жофэн почувствовал неладное. Он открыл рот, чтобы прервать его, но стоявший рядом дворецкий жестом велел ему молчать.

— Кажется, я всегда был тем, кого бросают, — Се Гуаньцзюй медленно поднял взгляд. Он смотрел не на родителей, а куда-то сквозь них, словно погрузившись в воспоминания. Его лицо было спокойным, но от этого становилось только больнее. — Помню, когда мне было десять, мы с Жофэном поссорились и вместе сбежали из дома. Хотя я ушел недалеко, вы первым делом бросились искать его. Я собственными глазами видел, как вы пробежали мимо меня и крепко прижали Жофэна к груди...

Се Гуаньцзюй говорил бесстрастно, с остекленевшим взглядом. Но в его голосе звучало нечто мертвое, отчего воздух вокруг словно стал густым и вязким. Люди невольно затаили дыхание, заметив, как покраснели его веки. В отличие от Хэ Жофэна, он всегда умел скрывать свои чувства и был очень гордым. Но ведь тогда он был всего лишь ребенком. Как же больно ему было видеть, что родители любят другого больше, чем его? Эти капли обиды, копившиеся годами, вонзались в сердце, как иглы. Когда-то он был милым и мягким ребенком, но теперь, чтобы заглушить невыносимую боль, ему пришлось стать холодным и жестким.

У матери Хэ на глаза навернулись слезы. Ей нестерпимо захотелось обнять сына. Конечно, она знала, кто ее родная кровь! Но все эти годы она слишком боялась чужих пересудов, заставляя себя относиться к ним одинаково. Скользнув взглядом по лицу Хэ Жофэна, она вдруг почувствовала, что этот ребенок стал ей неприятен.

Отец Хэ нахмурился, в нерешительности глядя на Се Гуаньцзюя. Может, он и правда был невнимателен? Оба — его сыновья, но он всегда считал, что Жофэн в детстве настрадался, поэтому и старался дать ему вдвое больше, а Гуанъюнь родился с золотой ложкой во рту, ему и так повезло... Он не думал, что для Гуанъюня это обернется страданиями другого рода. Он уже достаточно компенсировал Жофэну всё, что было нужно. А Гуанъюнь...

Его взгляд упал на левую руку сына, которая слабо сжимала ложку, и на шрамы, оставшиеся на правой, лежащей на столе.

Хэ Жофэн, ерзая на стуле, не выдержал:

— Брат, что ты такое говоришь...

Не успел он закончить, как отец Хэ перебил его:

— Жофэн, иди наверх. Нам с твоим братом нужно поговорить. Гуанъюнь, иди за мной в кабинет.

...

Выйдя из кабинета, Се Гуаньцзюй довольно коснулся уголков губ, подавляя улыбку. Вырвать у него все акции оказалось не так уж сложно. В конце концов, он родной сын семьи Хэ, и эту кровную связь не изменить. Даже если отец его не любит, он не сможет просто вычеркнуть его из жизни. Тем более, стоило лишь немного схитрить, чтобы перевернуть представление отца о нем и Жофэне.

Если всё пойдет по плану, отец оставит ему не меньше семидесяти процентов акций, в худшем случае — шестьдесят. Но чем именно придется заниматься, зависит от того, чего хочет от него душа оригинала.

502 напомнил:

— Похоже, Фэн Бэй приехал.

Се Гуаньцзюй замер на месте:

— С чего это он вдруг появился?

502:

— В эти выходные будет светский раут. Если мои данные верны, он приехал, чтобы пригласить тебя быть его партнером по танцам.

Се Гуаньцзюй усмехнулся:

— Значит, спектакль не прошел даром. Посмотри, что у него сейчас в голове.

502:

— Он... он хочет тебя.

Се Гуаньцзюй:

— Уровень симпатии всего 75, а он уже хочет меня? Что же будет на 95? Я что, с кровати

встать не смогу?

502:

— ...Пожалуйста, не говори таких вещей с такой улыбкой!

Се Гуаньцзюй направился к концу коридора и действительно увидел знакомый спорткар, подъезжающий к дому. Из-за расстояния звука мотора почти не было слышно. Он постоял немного, стер с лица все эмоции, которые могли выдать истинного Се Гуаньцзюя, и нацепил маску опустошенности, подобающую Хэ Гуанъюню. Как привидение, он побрел к лестнице.

У самой лестницы его перехватил Хэ Жофэн. Вокруг никого: отец в кабинете, мать уехала на маникюр, слуги заняты на кухне. Это было на руку Жофэну. Отбросив привычную кротость, он преградил путь Гуанъюню с ледяным выражением лица:

— О чем отец говорил с тобой в кабинете?

— Что случилось? Отец позвал сына в кабинет, чтобы справиться о здоровье — разве в этом есть что-то странное? — Хэ Гуанъюнь инстинктивно отступил, словно не желая ввязываться в конфликт. — Прошу, пропусти. Я хочу вернуться в комнату отдохнуть.

Он попытался пройти мимо, но Жофэн, не желая отступать, вцепился ему в воротник и с силой впечатал в стену. Удар лопаткой о стену был таким тяжелым, что острая боль пронзила плечо, лишая дара речи.

Черт возьми, это было по-настоящему больно! Кто бы мог подумать, что у щуплого Жофэна такая сила!

502:

— Ой, прости, я забыл отключить ощущение боли.

Се Гуаньцзюй:

— Вернусь — уничтожу тебя.

502:

— ...QAQ

На лбу Се Гуаньцзюя выступил холодный пот. Он инстинктивно попытался оттолкнуть Жофэна, но правая рука, которой он привык пользоваться, была совершенно беспомощна. Его ладонь, лежащая на плече Жофэна, не имела никакой силы. Эта рука была скорее куском омертвевшей плоти, прикрепленным к запястью. Глядя на нее, он осознал реальность, и его лицо стало еще бледнее.

— Брат, — прошептал Жофэн ему на ухо.

Се Гуаньцзюй горько усмехнулся:

— Не называй меня братом.

Убедившись, что никого нет, Жофэн стал еще наглее. В его глазах читалось безумие, он сжал плечо Гуаньюня еще сильнее:

— Умоляю, не отнимай у меня всё! Ты знаешь, у тебя с детства было всё, что ты хотел, а у меня — ничего. Теперь, когда я наконец получил это, если ты отнимешь — что мне делать?

Се Гуаньцзюй попытался вырваться, но из-за неработающей руки не смог оттолкнуть Жофэна. Тот вцепился в него мертвой хваткой. После аварии Жофэна не покидало дурное предчувствие, будто все его планы рушатся из-за Гуаньюня. Фэн Бэй, который всегда сторонился Гуаньюня, вдруг стал присылать ему вещи в больницу, навещать его! Даже отец начал оттаивать!

В сердце Жофэна закипал неконтролируемый страх.

— Ты умоляешь меня не отнимать у тебя всё? — Се Гуаньцзюй закрыл глаза. Его бледное лицо выглядело таким одиноким, а на губах заиграла насмешливая улыбка. — Я никогда и не собирался у тебя ничего отнимать.

В глазах Жофэна мелькнула зависть:

— Но сейчас ты именно это и делаешь! И родители, и Фэн Бэй... Если бы не ты, я мог бы быть таким счастливым.

Се Гуаньцзюй беспомощно смотрел на него, пот катился по его вискам. В его глазах на мгновение промелькнула боль, и он пробормотал:

— Ты хочешь сказать... ты хочешь, чтобы я исчез из этого мира?

Да, пожалуй. Ему больше нечего терять. Без мечты, без любви — лучше уж умереть. Даже если он умрет, вряд ли кто-то будет по нему плакать.

Жофэн, глядя на Се Гуаньцзюя, замер. Он никогда не видел Хэ Гуаньюня таким. Потеряв всё, он словно увял. Сухие губы, бледная кожа, потухший взгляд, в котором сквозила мертвенная пустота. Совсем не тот заносчивый, уверенный в себе Хэ Гуаньюнь, что был раньше... Впрочем, он ведь больше никогда не сможет рисовать. Даже Жофэн понимал, как много это значило для Гуаньюня.

Череда ударов судьбы, казалось, почти уничтожила его. Разве это не идеальный шанс? Если боги видят всё, пусть помогут Гуаньюню поскорее сгинуть. Почему всё хорошее достается ему? Это он спас Фэн Бэя, это его любят слуги, это он получит акции семьи Хэ, ничего не делая. А

когда Жофэн в детстве мерз и голодал на улице, что делал Гуанъюнь? Наверное, сидел у теплого камина и слушал сказки на ночь.

Желания Жофэна превратились в нечто ужасное. Он не сводил глаз с Гуанъюня, и слова, слетавшие с его губ, были тихими, но пропитанными ядом:

— Тогда просто умри. Видишь, родители любят меня больше. Когда ты умрешь, я сам о них позабочусь, тебе не о чем беспокоиться. А Фэн Бэй... о нем и подавно не переживай. Я выйду за него, мы будем счастливы вместе. Брат, здесь никто в тебе не нуждается...

Он произносил это как ласковое убаюкивание, бессознательно сжимая плечо Се Гуаньцзюя всё сильнее, пока тот не скривился от боли и паники.

Но...

Что-то не так.

Жофэн вдруг почувствовал неладное. Воздух вокруг стал слишком тихим, до удушья тяжелым. Он осознал причину, обернулся и увидел Фэн Бэя, стоящего у лестницы. Тот только что поднялся и смотрел на него с ледяным выражением лица. В его взгляде читалась такая ненависть, что это было даже мягко сказано.

— Отпусти его. — Фэн Бэй не стал ждать реакции Жофэна, подошел и рывком оторвал его от Се Гуаньцзюя. Жофэн почувствовал мощный толчок и чуть не врезался в перила. Устояв на ногах, он наконец понял, что происходит.

— Я... я не нарочно, то, что я сказал... ты всё слышал, Фэн-гэ? Я не хотел, я просто... я был слишком импульсивен... — Жофэн, перепуганный до смерти, лепетал оправдания.

Он попытался схватить Фэн Бэя за рукав, но тот даже не смотрел на него — его взгляд был прикован к лицу Се Гуаньцзюя.

Когда Фэн Бэй смотрел на него с таким выражением? Жофэна охватила паника, губы задрожали:

— Всё, что я сказал, было сказано сгоряча, это неправда! Как я мог сказать такие ужасные вещи? Я так не думаю, ты же знаешь, я часто говорю не то, что думаю!

Фэн Бэй бросил на него холодный взгляд и оттолкнул его руку:

— Значит, ты понимаешь, что это ужасные слова?

Жофэн замолчал:

— Я...

Фэн Бэй смотрел на него с равнодушием, словно на чужого человека:

— Ты спас меня, и я не хочу комментировать твои поступки. Но впредь прошу не распространять слухи о том, что я на тебе женюсь. Раньше я закрывал глаза на твои сплетни, но теперь — нет.

Жофэн ошеломленно смотрел на него, в глазах закипали слезы:

— Почему? Ты же сам сказал, что я спас тебя, как ты можешь так со мной поступать?

Фэн Бэй снова перевел взгляд на Се Гуаньцзюя, слегка нахмурился и, сделав редкую паузу, сказал:

— Это мое личное дело. А теперь прошу тебя уйти.

Жофэн не мог поверить своим ушам. Раньше Фэн Бэй хоть и не любил его, но всегда был вежлив и галантен. Потому что он был его спасителем, Фэн Бэй даже дал ему привилегии, позволил свободно посещать компанию и передал один процент акций. Он думал, что пока в сердце Фэн Бэя никого нет, он рано или поздно войдет в семью Фэн. Но теперь, с тех пор как Хэ Гуанъюнь очнулся после аварии, всё, что было под контролем, пошло наперекосяк!

Жофэн заставил себя успокоиться, бросил взгляд на потерянное лицо Се Гуаньцзюя, и в его душе закипела безумная зависть. Всё это унижение — из-за этого хорошего брата! Он никогда этого не забудет!

Фэн Бэй недовольно спросил:

— Ты еще что-то хочешь сказать?

Жофэн стиснул зубы, изобразил на лице слезы, еще раз посмотрел на Фэн Бэя и развернулся, чтобы уйти.

В коридоре воцарилась тишина. Остались только Се Гуаньцзюй и Фэн Бэй.

502:

— Дзынь! Отношение объекта к Хэ Жофэну упало на 30 пунктов, к тебе поднялось на 2. Вау, Се-гэ, вы остались вдвоем, воспользуйся моментом, признайся в любви, и симпатия вырастет!

Се Гуаньцзюй:

— Ты ошибаешься.

502:

— ?

Се Гуаньцзюй:

— Как можно признаваться сейчас? Фэн Бэй любит завоевывать. Если признаться сейчас, симпатия будет расти слишком медленно.

502:

— А что тогда?

Се Гуаньцзюй:

— Тридцать шесть стратегий любви: отступить, чтобы наступить. :)

Се Гуаньцзюй стоял, бессильно прислонившись к стене, и медленно сползал вниз. Его взгляд был расфокусирован, он словно не видел Фэн Бэя. То, что когда-то сияло в этих глазах, было разбито; прежняя чистота покрылась трещинами, которые уже никогда не затянутся. Его жизненная сила, казалось, увяла, движения стали медленными и безжизненными.

Фэн Бэй инстинктивно подхватил его под локти, поддерживая, и тихо спросил:

— Ты в порядке?

Се Гуаньцзюй медленно поднял голову, но в его глазах была лишь пустота, словно их затянуло туманом. Он кивнул и, словно пытаясь сбежать, отстранился от Фэн Бэя:

— Спасибо, господин Фэн, за беспокойство.

Голос был тихим, с нескрываемой хрипотцой.

Господин Фэн?

Пальцы Фэн Бэя сжались в пустоте. Как только тепло Се Гуаньцзюя исчезло, в голове у него на секунду стало пусто.

Он спрятал руки в карманы, нахмурился и пристально посмотрел на Гуаньюня. Тот просто стоял, в его глазах не осталось ни блеска, ни прежнего исступленного обожания. Казалось, за это время он насильно вырвал свою любовь из сердца и запер ее в сундук, который больше не собирался открывать.

Сам не зная почему, Фэн Бэй почувствовал острую боль в груди. Он сжал кулаки, хотел что-то сказать, но не знал с чего начать. Спустя мгновение он сухо произнес:

— Я провожу тебя до комнаты.

Кто бы мог подумать, что юноша в ужасе поднимет голову, отшатнется и без колебаний откажется:

— Не нужно!

Нынешний Се Гуаньцзюй разительно отличался от того, что был раньше. До аварии все его мысли, все дыхание были связаны только с Фэн Бэем. Даже после аварии, узнав, что Фэн Бэй первым спас Хэ Жофэна, он глотал ножи в одиночку, продолжая смотреть на него с той же тоской. Но почему сейчас всё изменилось?

Фэн Бэй нахмурился:

— Ты злишься на меня? Вiniшь за то, что я спас его?

— Я никогда не буду на тебя злиться, — Се Гуаньцзюй горько улыбнулся, и эта улыбка была больнее слез. Он попытался спрятать дрожащую правую руку за спину, но Фэн Бэй успел заметить этот жест.

Сердце Фэн Бэя сжалось. В горле встал ком, он больше не мог произнести ни слова.

Только сейчас он понял, что отчетливо помнит каждый взгляд и каждое выражение лица Хэ Гуанъюня. Все эти дни все его взгляды — влюбленные, горячие, жаждущие, печальные, отчаянные — проникали в его сердце и переплетались там. Он никогда не думал, что может проникнуться симпатией к Хэ Гуанъюню. Но некоторые чувства приходят сами собой.

Несколько раз он стоял у палаты Гуанъюня, не решаясь войти, и смотрел со стороны. Вглядываясь в его лицо, он вдруг понял, что Хэ Гуанъюнь необычайно красив, ничуть не хуже звезд с экрана. Его бледная кожа в лучах солнца всегда казалась окутанной дымкой, черты лица были мягкими и изящными. Особенно в его движениях чувствовалась какая-то необъяснимая статность. Даже медсестры в коридоре постоянно шептались, что старший господин Хэ намного красивее младшего.

Сначала он думал, что это чувство вины заставляет его так пристально следить за Гуанъюнем. Но потом обнаружил, что не может не прислушиваться к чужим оценкам, не может не хотеть слышать о нем еще. Он убеждал себя, что просто слишком мало загружен работой, раз отвлекается на такие глупости.

Но факты говорили об обратном: он загружал себя работой до предела, но всё равно не удержался и заказал лишний пригласительный билет на раут. А закончив совещание, тут же помчался сюда.

— Тогда, господин Фэн, прошу прощения, мне нехорошо, я пойду, — слабый голос Се Гуаньцзюя прервал его мысли. Тот развернулся и ушел, не оглянувшись ни разу.

— Мне нужно с тобой поговорить. — Фэн Бэй пристально смотрел на его лицо, на сухие, потрескавшиеся губы — возможно, оттого, что он долго не пил воды.

<http://bllate.org/book/18587/1790309>